

Из истории крымской государственности

Р. Н. Белоглазов

Советская власть и ислам в Крымской АССР. 1920-е гг.

Политика советской власти по отношению к религиозным конфессиям на территории Крымского полуострова в 1920-е гг. имела ряд особенностей, связанных как с местной спецификой, так и общегосударственной политической конъюнктурой. Многонациональный состав населения, мусульманское сообщество крымских татар, территориальная близость к региону Ближнего Востока, реализация Новой экономической политики (далее — НЭП) определяли выработку особых подходов к социально-политическому развитию Крыма, в том числе и по религиозному вопросу.

Нормативно-правовая база советской конфессиональной политики стала формироваться рядом декретов революционного правительства уже в первые месяцы после прихода большевиков к власти. Основой стал декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и церкви от школы» (далее — декрет «Об отделении...»), опубликованный 23 января 1918 г. Надо отметить, что нормотворчество по данной проблеме было чрезмерно политизировано, так как партийное руководство, исходя из атеистических идеологических убеждений, приступило к постепенной ликвидации конфессиональных организаций как влиятельной общественной силы и полному искоренению религиозного мировоззрения. Это нашло отражение в дискриминационных положениях указанного декрета: собственность конфессий была национализирована, а их организационные структуры лишены прав юридического лица.

В соответствии с новым законодательством, единственным субъектом отношений с государ-

ством признавалась община верующих (группа не менее 20 человек, т. н. двадцатка), которая заключала с местными органами власти договор об аренде культового здания и другого необходимого для функционирования прихода имущества. В правовом отношении такие организации имели статус особых неприбыльных частных обществ, которые могли существовать только за счет добровольных пожертвований и заключать сделки гражданско-правового характера (найм священнослужителя, сторожа, выполнение ремонтных работ и т.п.).

Вместе с тем, в положительном контексте следует отметить такие аспекты советской конфессиональной политики на её начальном этапе, как провозглашение свободы совести, правового равенства всех вероисповеданий, прекращение практики разделения конфессий на господствующие, терпимые и гонимые. При этом, центральное руководство было вынуждено учитывать особую специфику регионов распространения ислама, где религиозный фактор оказывал реша-

ющее влияние на духовный, социальный и семейно-бытовой уклад местного населения. Данное обстоятельство приходилось принимать во внимание при разработке директивных указаний и программных установок для местных органов власти, ориентируя их на выработку взвешенного корректного подхода в отношении культурно-религиозных особенностей мусульман при реализации политических мероприятий. В частности, в феврале 1920 г. в специальном письме ЦК РКП(б) о работе среди народов Востока говорилось о необходимости проведения антирелигиозной идеологической работы среди них: «... не прямым отрицанием религии, а её подтачиванием посредством распространения грамоты, открытия школ, клубов, читален, распространения познаний по истории земли и человека и, главным образом, указывая на классовый характер организации мусульманского духовного сословия, на его эксплуататорские стремления по отношению к бедноте» [1, с. 147].

В 1923 г. в резолюции XII съезда РКП(б) «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды» также указывалось на актуальность данных факторов: «Принимая во внимание, что 30-миллионное мусульманское население Союза республик до сих пор почти в неприкосновенности сохранило многочисленные, связанные с религией средневековые предрассудки, используемые для контрреволюционных целей, необходимо выработать форму и методы ликвидации этих предрассудков, учитывая особенности различных национальностей» [1, с. 457].

На этом фоне в Крыму в 1920-е гг. также прослеживалась тенденция проведения более гибкого и толерантного курса применительно к конфессиям национальных меньшинств с целью привлечения их на сторону советской власти. Среди них наиболее влиятельными в общественной жизни и многочисленными являлись крымские татары. Вместе с тем, крымско-татарский фактор приобретал для советского руководства особую внешнеполитическую значимость в связи с ожиданиями распространения революционного движения на Ближнем и Среднем Востоке. В данном контексте Крым становился своего рода фасадом советского проекта, площадкой его популяризации и трансляции в регионах с близкими крымским татарам в культурно-религиозном отношении народами, что также требовало создания необходимых условий для развития ислама на полуострове, предоставления мусульманам определенных преференций.

Период преодоления последствий Гражданской войны в Крыму значительно затянулся и был отмечен острым социально-политическим кризисом, что обуславливалось борьбой с антисоветским повстанческим движением, послевоенной экономической разрухой и массовым голодом на полуострове в 1921–1923 гг. Развитие отношений мусульманской общины с новой властью происходило на фоне существенных изменений, в том числе связанных с разрушением традиционной системы конфессионального самоуправления мусульман: часть духовенства покинула Крым вместе с Белой армией, Таврическое магометанское духовное правление (муфтиат) и сеть религиозных судов юридически были ликвидированы, вакуфная собственность национализирована, система управления мечетскими приходами в рамках муфтиата разрушена.

Вместе с тем, была уничтожена и структура традиционного конфессионального образования, так как советское законодательство декларировало юридическую ликвидацию всей сети духовных учебных заведений независимо от вероисповедной принадлежности и национализацию их собственности. В отношении религиозного просвещения для совершеннолетних граждан допускалась организация специальных занятий в формате отдельных лекций и бесед.

Создание территориальной Крымской АССР в октябре 1921 г. стало важным этапом в формировании условий для планомерного государственного строительства на полуострове и стабилизации общественно-политической ситуации после Гражданской войны. Провозглашение НЭП также способствовало дальнейшей нормализации обстановки в регионе, одна из составляющих которой связывалась с необходимостью завоевания лояльности крымских татар. Для решения этой задачи создавались механизмы по постепенному вовлечению их в процесс советизации: началась политика по коренизации (татаризации) управленческого аппарата автономии, предполагавшая широкую интеграцию крымских татар в структуры государственной и партийной администрации республики. В частности, высшие органы власти Крымской АССР КрымЦИК и КрымСНК уже в феврале 1922 г. приняли первый план по татаризации, предполагавший финансирование в объеме 4 млн. 600 тыс. рублей [2, с. 403].

Вместе с тем, НЭП открыл новую страницу отношений государства с религиозными организациями, что связано с попыткой их нормализации, хотя бы на формально-юридическом

уровне, после завершения Гражданской войны, а также необходимостью временных идеологических уступок крестьянству. Одним из важных элементов этих процессов являлось удовлетворение религиозных запросов мусульман, что, учитывая особое значения данной проблемы для крымских татар, должно было продемонстрировать конструктивный подход руководства Крымской АССР к исламу и его последователям. В связи с этим наиболее значимым стал вопрос о возрождении системы традиционных мусульманских институтов на полуострове: муфтиата, системы приходов, религиозных судов, вакуфов и духовных учебных заведений.

В первой половине 1920-х гг., с целью расположения мусульман к советской власти, партийно-государственное руководство СССР санкционировало проведение специальных религиозных съездов, на которых разрабатывались и принимались уставные документы, позволявшие восстановить организационные структуры мусульманской конфессии с учетом произошедших после октября 1917 г. общественно-политических и правовых изменений, в том числе признания большевистского политического режима.

Одним из первых на территории России такой съезд прошел в Симферополе в январе 1923 г. На нём был выбран муфтий и положено начало формированию нового муфтиата, получившего название «Народное управление религиозными делами мусульман Крыма» (далее — НУРДМК). Для организации деятельности конфессиональной структуры в масштабах полуострова создаётся специальный руководящий орган (президиум) в составе 5 человек, избравшихся на съезде уполномоченных мусульманских приходских общин сроком на год [3, л. 6 – 6 об.]. Материальные средства НУРДМК предполагалось формировать за счет добровольных пожертвований, аккумулировать которые на местах должны были 9 районных отделов. Для отчета руководства и решения текущих вопросов устанавливался ежегодный съезд [4, л. 46].

В соответствии с концепцией советской конфессиональной политики религиозные организации, имевшие статус особых частных обществ без прав юридического лица, должны были в своей деятельности ограничиваться проведением обрядов в пределах культовых зданий с минимальным влиянием на общественные процессы. Однако в этом отношении муфтиату удалось закрепить за собой более широкий круг полномочий. Так, кроме решения вопросов учета и

обустройства местных приходов, разработки и реализации реформ в духовной сфере, вынесения постановлений на основе норм шариата о регулировании семейно-брачных и наследственных правоотношений, НУРДМК зафиксировало в своем уставе положение о представительстве интересов мусульман и защите их религиозных прав перед органами власти [5, л. 10 – 10 об.].

Первый вариант уставных документов крымского муфтиата зарегистрирован КрымНКВД в феврале 1923 г. [5, л. 50], что стало исключением для действовавшего советского законодательства, которое в то время еще не предполагало легализацию управленческих структур конфессий. Она получила определенную правовую регламентацию только в апреле 1923 г. в виде инструкции о регистрации групп верующих — не менее 50 человек (т.н. пятидесятки). Кроме того, муфтиат получил больше полномочий, чем это допускали соответствующие нормативные акты для религиозных организаций. Это демонстрировало готовность властей, до определенной степени, идти на уступки и преференции в отношении мусульман, не предполагаемые применительно к другим конфессиям.

По общественно-политическим взглядам руководство НУРДМК относилось к так называемому обновленческому (джадидистскому) духовенству, которое, как и в других регионах СССР, проявляло лояльность в отношении советской власти, полагая, что её политический курс позволяет создать необходимые условия для всестороннего развития мусульманских народов. Руководство Крымской АССР, выполняя указания и установки центра по национальному вопросу, также способствовало укреплению этих настроений.

Гибкая этноконфессиональная политика большевиков способствовала формированию симпатий в пользу нового революционного режима среди национальных меньшинств. Подтверждением этого стал прошедший летом 1923 г. в Уфе I Всероссийский съезд мусульманского духовенства Поволжья и Сибири, который принял ряд важных, с пропагандистской точки зрения и благоприятного резонанса на международной арене, резолюций и воззваний в поддержку СССР. В свою очередь, советское руководство, учитывая необходимость расширения лояльности в мусульманской среде, рассматривало проект декрета о разрешении исламского духовного образования среди детей, окончивших государственную школу первой ступени [6, с. 428–429].

В 1924 и 1925 гг. состоялись II и III мусульманские съезды Крыма, на которых продолжился процесс восстановления организационной структуры муфтиата и системы мечетских приходов, что позволило завершить процедуру их правовой легализации в целом. Показательны для иллюстрации данных процессов следующие цифры: в первой половине 1920-х гг. в Крыму зарегистрировано 875 действовавших приходов всех конфессий (т.н. группы верующих, двадцатки), из которых около половины приходилось на мусульманское вероисповедание — 438 [7, л. 40]. Всего население Крымской АССР составляло 713 823 человека, из которых крымских татар — 179 094 человека [8, с. 5].

Впервые после Гражданской войны муфтиат провел учет духовенства и зарегистрировал 347 служителей культа, 149 из них, по результатам специального экзамена, подтвердили свой духовный статус. Кроме того, 67 человек получили свидетельства на право преподавать основы религии [5, л. 170], что было крайне важно для возрождения системы религиозного образования крымских татар.

Последний вопрос имел непосредственное отношение к вакуфному хозяйственному комплексу (земля и недвижимость), за счет которого традиционно финансировалась система мусульманских образовательно-просветительских учреждений. Несмотря на неоднократные обращения руководства НУРДМК по поводу возвращения его под управление муфтиата и религиозных общин (что было сделано советской властью в республиках Средней Азии), руководство Крымской АССР не стало менять сложившийся порядок вещей: вакуфы были национализированы и остались в собственности государства и крестьянских земельных обществ [9, л. 37–38]. Кроме того, отрицательное решение принято и о возможности восстановления конфессиональных судов, которые до революции осуществляли свою деятельность на основе шариата. В условиях советского Крыма верующие могли обратиться в муфтиат для разрешения актуальных для них вопросов семейно-брачных и наследственных отношений на основе религиозных норм, что в контексте новой системы судопроизводства не имело юридической силы и стало делом частного характера [10, л. 214].

Несмотря на указанные ограничения, по оценке крымско-татарского общественного деятеля и историка Э. Кырымала, проживавшего в 1920-е гг. в Крыму: «...мусульманская религия сохра-

нила еще в годы «татаризации» свое идеологическое, бытовое и моральное, а в специфических условиях Крыма также известное национальное значение» [11, с. 60]. Эта мысль станет более понятна при предметном рассмотрении уступок и льгот в отношении мусульман, на которые пошли властные структуры Крымской АССР в период НЭП.

Во-первых, в пользу крымских татар принимались, в порядке исключения, некоторые изменения правоприменительной практики по религиозному вопросу. Так, учитывая низкий уровень материального благосостояния крестьян, мечети в сельской местности освобождались от налогов. Кроме того, культовые здания мусульман не могли быть закрыты и технически ликвидированы в течение года и более, если группа верующих (т.н. двадцатка) в силу ряда причин не была организована, а аренда мечетей не оформлялась документально. Чтобы юридически ускорить процесс открытия и функционирования храмов, специальное постановление КрымЦИК допускало заключение арендного договора в деревнях с общиной верующих менее 20 человек [12, л. 87].

Во-вторых, крымские татары были единственным национальным сообществом в Крыму, получившим возможность приступить к восстановлению конфессионального образования для детей, что было регламентировано рядом инструкций центральных и региональных органов власти, принятых в 1924–1925 гг. [13]. В результате мусульманским общинам удалось открыть в 1926–1927 гг. при мечетских приходах 6 начальных религиозных школ (мектебов) с общим числом учащихся около 100 человек [14, л. 3, 8, 44, 240].

В-третьих, в Крымской АССР старались избежать жесткой репрессивной реакции в отношении мусульман в случае нарушения ими законодательства о религиозных организациях. Так, до 1926 г. в Крыму действовали 12 нелегальных конфессиональных школ (мектебов), которым местные правоохранительные структуры фактически позволяли функционировать до определенного времени [15, с. 141]. Объяснялось это необходимостью актуальной политической конъюнктуры в отношении крымских татар. Показательно письмо начальника секретно-оперативной части ГПУ Крыма А. А. Арнольдова в адрес органов исполнительной власти Крымской АССР в 1923 г., в котором он отмечал следующее: «Вообще необходимо Вас поставить в известность, что в отношении татарского духовенства необходимо быть весьма осторожным и проходить мимо всех

явлений так тонко, чтобы давлений ГПУ на требования нацменов не были проявлены ни в коей мере» [16, л. 414].

В-четвертых, учитывались особенности мусульман и в религиозно-бытовой сфере: им разрешалось не снимать головные уборы во время исполнения государственного гимна, основной выходной день перенесен с воскресенья на пятницу, а накануне главных мусульманских праздников — Курбан-Байрам и Ураза-Байрам — Народный комиссариат труда Крыма принимал постановление о предоставлении дополнительных дней отдыха [11, с. 58; 17, л. 18].

Свой значительный вклад в создание условий в развитие мусульманской конфессии в Крыму внесли представители руководящего звена Крымской АССР из числа крымских татар, которые уже в 1925 г. составляли 40% сотрудников КрымЦИК, 20% служащих райисполкомов и 39,9% сельских советов. Однако наиболее значимым в данном контексте было назначение во главе главного органа власти республики (КрымЦИК) В. Ибраимова, а председателем правительства (КрымСНК) О. Дерен-Айерлы [13, л. 34].

Э. Кырымал в работе мемуарно-исследовательского плана «Положение мусульманской религии в Крыму» впоследствии дал высокую оценку их участию и личной заинтересованности в формировании толерантной политики по отношению к исламу в середине 1920-х гг.: «Для представления полной картины действительности того времени необходимо также упомянуть о том, что многое из того, что допускалось в области свободы мусульманской религии в годы «татаризации» не было, однако, непосредственным плодом «толерации» советского правительства, а единственно результатом коллаборации местных крымских тюркских националистов и «национал-коммунистов» с большевистской Москвою. Ибо, как выяснилось после процесса и казни Вели Ибраимова, последний и его единомышленники создавали в Крыму условия для национальной, а вслед за ней и религиозной свободы, иногда без согласия и даже вопреки желаниям и воле московского правительства» [11, с. 59].

Корректное и тактически гибкое отношение большевиков к мусульманам, предоставление крымским татарам определенных льгот и уступок в религиозной сфере породили у части духовенства и верующих иллюзию, что власти готовы последовательно претворять в жизнь провозглашенные принципы свободы совести, проводить конструктивную конфессиональную политику. В

связи с этим представители крымско-татарской интеллигенции, ориентированной на ислам, полагали, что в новых общественно-политических реалиях возможно продолжение культурно-просветительской работы в духе джадидитских реформ. В этом отношении создание НУРДМК рассматривалось как важный этап организационного упорядочивания конфессионального движения и необходимое условие для его дальнейшего развития.

По данным районных комитетов ВКП(б) Крыма в середине 1920-х гг., среди крымских татар отмечалась высокая религиозность и признание большого авторитета служителей культа. Повсеместно отмечалось, что в сельской местности мечети стали центром общественной жизни мусульман. Духовенство умело привлекало верующих агитацией, организацией собраний и религиозных кружков для молодежи. Религиозный пост старались соблюдать большинство крымских татар, включая учителей и советских работников. Сборы на содержание священнослужителей в некоторых населенных пунктах имели почти обязательный характер [18, л. 217; 19, л. 112].

Региональное подразделение ГПУ Крыма в специальной информационной сводке о состоянии Севастопольского района констатировало следующее: «Религиозные предрассудки в татарской массе очень сильны. Пост строго соблюдает все население. Аналогично не замечено уклонений от исполнения религиозных обрядов при рождении, смерти, свадьбе и т.п. Процент посещающих мечети высок, особенно по пятницам (старики и средний возраст). После каждого богослужения муллы произносят напутственные речи, в которых особенно подчеркивается необходимость сохранения веры в бога и принуждения к этому молодежи. Муллы пользуются авторитетом, являясь и докторами и судьями и предсказателями будущего» [20, л. 9].

Благодаря своему влиянию духовенство в некоторых поселениях нейтрализовало развитие комсомольского и пионерского движения. Например, в 1925 г. в поселках Ялтинского района Делирожи, Куркунет и Никита из-за давления мулл значительно уменьшилось число пионеров. В поселке Камышлы Севастопольского района по той же причине вышли из комсомола 4 человека [21, л. 24]. Существовавшая сеть культурно-просветительских учреждений не могла значительно повлиять на мировоззрение мусульман, а антирелигиозная идеологическая работа среди крымских татар практически не проводилась.

Представители мусульманского духовенства пытались оказывать определенное влияние на общественную жизнь на местах. Пользуясь большим авторитетом среди крестьян, они могли принимать участие в работе местных советов. К примеру, в деревне Баши Карасубазарского района главным активистом поселкового совета являлся мулла, которого избрали председателем комиссии по самообложению, а в деревне Аджи-Мамбет-Вакуф мулла руководил комсомольской ячейкой [22, л. 24].

В свою очередь, муфтиат предпринимал попытки принять участие в решении социально-экономических вопросов мусульманского населения. Один из наиболее актуальных был связан с переселением крымских татар из малоземельных предгорных и горных районов в степную часть полуострова для получения больших наделов земли. Многие мусульмане отказывались от переезда, объясняя это нежеланием покидать места, где похоронены их предки. Президиум НУРДМК в апреле 1926 г. принял решение начать агитационную кампанию в мечетях для объяснения необходимости и положительных последствий миграции. При этом было отмечено, что мусульманское «...обновленческое духовенство в вопросах советского строительства ни разшло и идет рука об руку с властью и облегчает задачу последней. И теперь мы окажем свое содействие» [5, л. 345]. Прямая поддержка со стороны муфтиата была воспринята властными органами отрицательно и Центральной административное управление при КрымЦИКе (далее — ЦАУ Крыма) запретило ему дальнейшее обсуждение этого вопроса.

1927 год ознаменовал начало кардинальных изменений в национальной и конфессиональной политике в мусульманских регионах, что произошло в силу ряда причин. Во-первых, ислам оказывал определяющее влияние в течение нескольких веков на формирование мировоззрения, традиций и семейно-бытового уклада своих последователей, что не поддавалось радикальным изменениям даже в условиях набирающего силу воздействия официальной коммунистической идеологии, претендовавшей в условиях формировавшейся советской государственно-политической системы на всесторонний и монополярный контроль над населением. Во-вторых, к концу 1920-х гг. усилилась тенденция на жесткую централизацию управления в СССР, что исключало инакомыслие или несогласие местного руководства, связанные в, первую очередь, с националь-

ной спецификой. В-третьих, начало свертывания НЭП, подготовка к сплошной коллективизации и форсированной индустриализации требовали ликвидации последних форм идеологического сопротивления крестьянства, что предопределило широкое наступление государства на религиозные конфессии независимо от их вероисповедной принадлежности.

В конце 1920-х гг. произошла постепенная унификация советской конфессиональной политики в сторону усиления административно-репрессивного и идеологического давления против всех религиозных общин, а ислам начал рассматриваться как главное препятствие на пути советизации соответствующих народов и регионов. На этом фоне конфессиональные организации мусульман последовательно стали лишаться тех преимуществ, которые они получили на начальном этапе НЭП. В первую очередь произошли изменения по вопросу о правовом положении муфтиатов на территории СССР. Так, 8 июня 1927 г. НКВД РСФСР снял с регистрации устав Духовного управления мусульман внутренней России и Сибири, располагавшегося в Уфе. Верующим было предложено руководствоваться положением Народного комиссариата юстиции и НКВД РСФСР от 27 апреля 1923 г. о регистрации религиозных обществ. В связи с этим в июне 1927 г. в адрес НКВД автономных республик было отправлено разъяснение по данному прецеденту. Фактически речь шла о лишении муфтиатов в РСФСР особого правового статуса, полученного ими в начале 1920-х гг. в порядке исключения по соображениям политической конъюнктуры [23, л. 71].

29 ноября 1927 г. стол религиозных культов ЦАУ Крыма вынес свое заключение по вопросу о регистрации устава религиозного управления крымских мусульман. Начальник этого подразделения Б. Тавровский, ссылаясь на постановление НКВД РСФСР от 8 июня 1927 г., пришел к выводу, что «...необходимость представления особых исключений для мусульманских религиозных организаций, очевидно, уже миновала...», и поэтому предложил ЦАУ Крыма снять устав НУРДМК с регистрации, что получило утверждение КрымЦИК [5, л. 412].

Усиление административного давления на религиозные организации мусульман происходило одновременно с началом репрессий против сторонников широкой национально-культурной и политической автономии крымских татар. В апреле 1928 г. в Симферополе состоялся судеб-

ный процесс над снятым с поста председателя КрымЦИК В. Ибраимовым, которого обвинили в совершении уголовного преступления и приговорили к расстрелу (реабилитирован в 1990 г.). Во второй половине 1928 г. в Крыму были проведены аресты среди его сторонников, смещен с поста председателя КрымСНК и арестован О. Дерен-Айерлы. Органы безопасности инициировали судебный процесс по делу о так называемой партии крымско-татарских буржуазных националистов «Милли Фирка». На основании представленных ГПУ Крыма материалов было арестовано и предано суду 63 человека. Истинной подоплекой данного дела было нежелание В. Ибраимова и некоторых других руководителей из числа крымских татар подчиняться указаниям центра по ряду политических и социально-экономических вопросов развития республики.

Судебный процесс положил начало репрессиям среди крымско-татарского населения, в основном служащих и интеллигенции, усиливались преследования духовенства и религиозных учреждений мусульман.

Летом 1928 г. КрымЦИК и Народный комиссариат просвещения Крыма (далее — Крым-Наркомпрос), руководствуясь секретным постановлением Президиума ВЦИК от 18 июля 1928 г., приняли постановление об отмене разрешения деятельности легальных религиозных школ (мектебов) и утрате юридической силы всех инструкций, регламентировавших данный процесс. Кроме того, местным органам власти предписывалось пресекать попытки возобновления организованных занятий по изучению вероучения и привлекать их инициаторов к уголовной ответственности [24, л. 35].

В конце 1920-х гг. в Крымской АССР наряду с увеличением административно-репрессивного давления на конфессиональные общины происходило также расширение масштабов проведения вульгарной антирелигиозной пропаганды, инициированной различными официальными структурами (идеологические отделы районных комитетов ВКП(б), НаркомпросКрыма) и тесно аффилированными с ними организациями (Союз воинствующих безбожников, комсомол). Попытки в период НЭП в Крыму наладить планомерную атеистическую идеологическую работу среди крымских татар в достаточно корректном формате распространения естественнонаучных знаний и культурно-просветительских мероприятий не имели успеха по причине отсутствия необходимых организационных и материальных

ресурсов, соответствующей литературы и подготовленных агитаторов. Например, эта проблема в 1928 г. нашла отражение в информационном отчете начальника стола религиозных культов Севастопольского районного исполкома Быкова, который констатировал факт практически полной несостоятельности проведения антирелигиозной идеологической работы среди крымских татар [25, л. 58].

В период свертывания НЭП в силу указанных причин приоритетом деятельности антирелигиозного движения в регионе стало применение brutальных средств и методов идеологического воздействия на население: острая критика и сатира, оскорбительные антикультовые действия и кампании, направленные на дискредитацию духовенства и религиозных институтов, что постепенно получило распространение и в отношении мусульманской конфессии.

На этом фоне намеренно увеличивались налогообложение служителей культа, повышались ставки страховых сборов за арендованные храмы и имущество в приходах. Главной целью подобных мер являлось принуждение членов «двадцаток» к отказу от участия в организации деятельности приходских общин, что формально-юридически подводило их к самоликвидации с последующим закрытием, перепрофилированием или сносом культовых зданий.

Наиболее болезненно переживало эти процессы духовенство в сельской местности, где большинство его представителей не имели специального религиозного образования, а выполняли свои обязанности, так как были выбраны для этого единоверцами в соответствии с мусульманской традицией. Как правило, они являлись выходцами из крестьян и поэтому подлежали двойному налогообложению, как частные домохозяева и служители культа, что в отношении последнего обстоятельства также отягощалось лишением политических прав. На фоне нарастающих угроз усиления различных форм дискриминации и применения репрессивных санкций против конфессиональных общин часть из них предпочла отказаться от своего религиозного сана. Так, в течение 1928 г. ЦАУ Крыма зарегистрировало 139 подобных случаев [26, л. 6-8 об.] и эти факты в пропагандистских целях придавались широкой огласке на страницах главной республиканской газеты «Красный Крым», а также крымско-татарских периодических изданий.

Прямым следствием начавшихся негативных процессов была дестабилизация деятельности

муфтиата, который стал терять связь с местными приходами. Это повлекло за собой серьезное ухудшение материального положения конфессионального управления, что стало приводить к постепенному параличу его работы. Так, 3 ноября 1928 г. член президиума НУРДМК С. Сулейман поставил в известность ЦАУ Крыма о своем выходе из состава президиума муфтиата ввиду его критического финансового положения и неуплаты жалованья [27].

Для решения текущих актуальных вопросов руководство муфтиата наметило проведение IV Всекрымского съезда мусульман на 3–4 ноября 1928 г., на организацию которого требовалось около 400 рублей. Однако имевшиеся финансовые средства пришлось направить на погашение задолженностей страховой кассе, которая составляла 865 рублей [5, л. 432]. По причине материальных затруднений открытие съезда было отложено на неопределенное время, а в конце года муфтиат объявил о самороспуске.

В 1929 г., который был отмечен началом массового закрытия культовых зданий всех конфессий, в Крыму был активизирован процесс по техническому сносу зданий мечетей. Так, по представлению ЦАУ Крыма в начале года Президиум КрымЦИК утвердил решение о закрытии и ликвидации 12 мечетей в Бахчисарайском районе. Специальная техническая комиссия признала, что 7 из них было невозможно переоборудовать для дальнейшего использования в других целях и это означало их передачу в ведение районного уполномоченного государственного фонда для разбора на стройматериалы [28, л. 302].

Проводимая властями кампания по закрытию культовых зданий сопровождалась арестами и высылками священнослужителей. В период начала коллективизации представителей духовенства намеренно причисляли к категории так называемых кулаков с целью проведения их административной депортации [11, с. 64]. При этом получили распространение случаи различных эксцессов и фактов произвола в отношении религиозных общин. Например, в сельской местности Севастопольского района советские активисты и коммунисты инспирировали заявления о закрытии мечетей, что не соответствовало подлинным настроениям среди крымских татар. В отдельных сельсоветах региона верующим запрещали посещать храмы под угрозой их исключения из колхоза [29, л. 254–259].

В 1929 г. только по официальным данным в Крыму было закрыто 15 мечетей [30, л. 12], фак-

тически прекратило действовать значительно больше. Под давлением набравшего силу налогового и административно-карательного прессы члены так называемых двадцаток всех конфессий были вынуждены отказываться от аренды своих храмов. Процесс юридической и технической ликвидации культовых зданий неуклонно продолжался, а в конце 1930-х гг. в Крыму не осталось ни одного легального мусульманского прихода. Вследствие данной политики из всего многообразия конфессий Крыма на полуострове в 1939 г. действовала только одна православная церковь в Симферополе [31, л. 176].

Многочисленные факты «самороспуска» конфессиональных организаций должны были вселять оптимизм в представителей власти по поводу их «успехов» в борьбе с «религиозными предрассудками» населения. Однако это были мнимые победы лишь над внешними проявлениями религиозности. Верующие и формально бывшие священнослужители продолжали негласно собираться для проведения религиозных служб, даже не имея необходимых для этого молитвенных помещений. Духовная жизнь мусульман постепенно становилась нелегальной, а антикультовые мероприятия и атеистическая пропаганда советской власти не смогли оказать существенного влияния на мировоззрение, этноконфессиональные обычаи и традиции крымских татар [11, с. 65–67].

Таким образом, после прихода к власти большевики приступили к формированию новой конфессиональной политики, что предполагало провозглашение принципов свободы совести и равенства всех вероисповеданий перед законом, начало проведения систематических мер по отделению церкви от государства и организации антирелигиозной идеологической работы. Однако практика её реализации в период НЭП сопровождалась значительными конъюнктурными колебаниями, что было продемонстрировано на примере мусульманской конфессии, получившей в силу ряда причин определенные преференции, в том числе и на территории Крымской АССР.

Во-первых, планы советского руководства на распространение мировой революции в странах Востока определили выбор крымских татар как примера успешного осуществления идей социализма, что должно было способствовать распространению советского влияния в Турции, Иране и на Балканах. Необходимость учета религиозной специфики местных народов, исповадовавших ислам, обусловила временно выработку и примене-

ние большевиками в целом толерантного политического курса по отношению к мусульманскому конфессиональному сообществу. Во-вторых, политика коренизации национальных окраин, принявшая в Крымской АССР форму татаризации, способствовала выдвиганию на высшие государственные посты в автономии крымских татар, от которых в значительной мере зависели подходы к разрешению вопросов развития республики. В этих условиях соотечественники-мусульмане могли рассчитывать на их определенную поддержку при восстановлении и развитии исламских религиозных структур в регионе.

В конце 1920-х гг., и в особенности после судебного процесса над председателем КрымЦИК В. Ибраимовым и его сторонниками в 1928 г., партийно-государственное руководство СССР ужесточило свое отношение к мусульманской конфессии Крыма. Административное давление, различные формы дискриминации и репрессивные санкции против верующих и духовенства положили начало постепенной ликвидации организационно-институциональных структур ислама в Крыму, что способствовало формированию в крымско-татарской среде неприятия политики советской власти в целом.

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 2. М.: Издательство политической литературы, 1970. 542 с.
2. Чебанова А. В. О политике татаризации в Крыму в 20-е годы // Культура народов Северного Причерноморья. 1998. № 3. С. 403–405.
3. Государственный архив Республики Крым (далее — ГАРК). Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 833.
5. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 823.
6. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М. — Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1997. 597 с.
7. ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693.
8. Никольский, П. А. Население Крыма. — Симферополь: Крымгосиздат, 1929. — 16 с.
9. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 403.
10. ГАРК. Ф. Р-1110. Оп. 10. Д. 11.
11. Кырымал Э. Положение мусульманской религии в Крыму // Вестник Института по изучению истории и культуры в СССР. 1955. № 2. С. 55–67.
12. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1126.
13. Белоглазов Р. Н. Нормативно-правовая база функционирования мусульманских конфессиональных школ в Крымской АССР в 1920-е годы // Достижения науки и образования. 2016. № 5 (6). С. 28–32.
14. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1503.
15. Гусева Ю. Н. Мусульмане Крыма и советская власть: взгляд из Москвы 1920-х гг. // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2016. № 1. С. 137–144.
16. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 812.
17. ГАРК. Ф. Р-1518. Оп. 1. Д. 30.
18. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1431.
19. ГАРК. Ф. П-1, Оп. 1. Д. 387.
20. ГАРК. Ф. П-34. Оп. 1. Д. 13.
21. ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 693.
22. ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 906.
23. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1511.
24. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1603.
25. Государственное казенное учреждение Архив города Севастополя (далее — ГКУ АГС). Ф. Р-420. Оп. 1. Д. 366.
26. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1135.
27. Красный Крым. — 1928. — 20 нояб.
28. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 139.
29. ГКУ АГС. Ф. Р-79. Оп. 1. Д. 502.
30. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 10. Д. 1627.
31. ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 18. Д. 46.